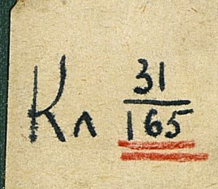
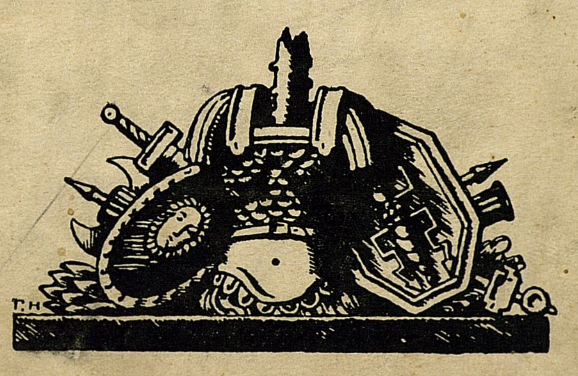

Кл 31/165

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХИ О РОССІИ

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВО"

1915

[illegible]

19 20/VII 05

[illegible]

[illegible]

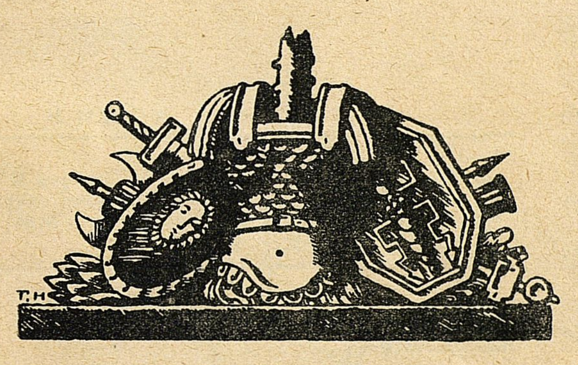

Б. Болотная, 10.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССІИ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ОТЕЧЕСТВО“

1915

2010513431

НА ПОЛѢ КУЛИКОВОМЪ.

1.

Рѣка раскинулась. Течетъ, грустить лѣниво
И моетъ берега.
Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.

Нашъ путь степной, нашъ путь — въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы ночной и зарубежной
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль.
Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вѣчный бой! Покой намъ только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летитъ, летитъ степная кобылица
И мнетъ ковыль...

И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи...
Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!

Закатъ въ крови! Изъ сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь:
Покоя нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

2.

Мы, самъ другъ, надъ степью въ полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назадъ.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричатъ...

На пути—горючій бѣлый камень.
За рѣкой—поганая орда.
Свѣтлый стягъ надъ нашими полками
Не взыграетъ больше никогда.

И, къ землѣ склонившись головою,
Говоритъ мнѣ другъ:—Остри свой мечъ,
— Чтобъ не даромъ биться съ татарвою,
— За святое дѣло мертвымъ лечь!

Я—не первый воинъ, не послѣдній,—
Долго будетъ родина больна.
Помяни жъ за раннею обѣдней
Мила друга, свѣтлая жена!

3.

Въ ночь, когда Мамай залегъ съ ордою
Степи и мосты,
Въ темномъ полѣ были мы съ Тобою,—
Развѣ знала Ты?

Передъ Дономъ темнымъ и зловѣщимъ,
Средь ночныхъ полей
Слышалъ я Твой голосъ сердцемъ вѣщимъ
Въ крикахъ лебедей.

Съ полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночныя птицы
Рѣяли вдали.
А надъ Русью тихія зарницы
Князя стерегли.

Орлій клекотъ надъ татарскимъ станомъ
Угрожалъ бѣдой.
А Непрядва убралась туманомъ,
Что княжна фатой.

И съ туманомъ, надъ Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла въ одеждѣ, свѣтъ струящей,
Не спугнувъ коня.

Серебромъ волны блеснула другу
На стальномъ мечѣ,
Освѣжила пыльную кольчугу
На моемъ плечѣ.

И когда, на утро, тучей черной
Двинулась орда,
Былъ въ щитѣ Твой Ликъ Нерукотворный
Свѣтелъ навсегда.

4.

Опять съ вѣковою тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли.
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали безъ вѣсти
Степныхъ кобылицъ табуны,
Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.

И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою,
Куда мнѣ летѣть за тобой!

Я слушаю рокоты сѣчи
И трубные клики татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкій и тихій пожаръ.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на бѣломъ конѣ.
Встрѣчаются вольныя тучи
Во мглистой ночной вышинѣ.

Вздымаются свѣтлыя мысли
Въ растерзанномъ сердцѣ моемъ,
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженныя темнымъ огнемъ...

— Явись, мое дивное диво!
— Быть свѣтлымъ меня научи!
Вздымается конская грива...
За вѣтромъ взываютъ мечи...

5.

Опять надъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облакомъ суровымъ,
Грядущій день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней!
Надъ вражьимъ станомъ, какъ бывало,
И плескъ, и трубы лебедей.

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Твой часъ насталъ. Теперь—молись!

Я живу въ отдаленномъ скиту.
Въ дни, когда опадаютъ листы,
Выхожу—и стою на мосту,
И смотрю на рѣчные цвѣты.

Вотъ—предчувствіе бѣлой зимы:
Тишина колокольныхъ высотъ.
Та, что нынче читала псалмы,—
Та монахиня, вѣрно, умретъ.

Безначально свободная ширь,
Слишкомъ радостной вѣстью дыша,
Подошла—и покрыла Псалтирь,
И въ страницахъ осталась душа.

Какъ свѣча, догорала она...
Вкругъ лица улыбалась печаль.
Долетали слова отъ окна,
Но сквозила за окнами даль...

Я живу въ отдаленномъ скиту
И не знаю для счастья границъ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигаетъ Царицу.

Когда въ листвѣ сырой и ржавой
Рябины заалѣетъ гроздь,—
Когда палачъ рукой костлявой
Вобьетъ въ ладонь послѣднiй гвоздь,—

Когда надъ рябью рѣкъ свинцовой,
Въ сырой и сѣрой высотѣ,
Предъ ликомъ родины суровой
Я закачаюсь на крестѣ,—

Тогда—просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертныхъ слезъ,
И вижу: по рѣкѣ широкой
Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Христосъ.

Въ глазахъ—такiя же надежды,
И то же рубище на немъ.
И жалко смотритъ изъ одежды
Ладонь, пробитая гвоздемъ.

РУСЬ.

Ты и во снѣ необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю,—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ—ты почiешь, Русь.

Русь, опоясана рѣками
И дебрями окружена,
Съ болотами и журавлями,
И съ мутнымъ взоромъ колдуна,

Гдѣ разноликiе народы
Изъ края въ край, изъ дола въ долъ
Ведутъ ночные хороводы
Подъ заревомъ горящихъ селъ.

Гдѣ вѣдуны съ ворожеями
Чаруютъ злаки на поляхъ,
И вѣдьмы тѣшатся съ чертями
Въ дорожныхъ снѣговыхъ столбахъ,

Гдѣ буйно заметаетъ вьюга
Да крыши—утлое жилье,
И дѣвушка на злого друга
Подъ снѣгомъ точитъ лезвее.

Гдѣ всѣ пути и всѣ распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящій въ голыхъ прутьяхъ,
Поетъ преданья старины...

Такъ—я узналъ въ моей дремотѣ
Страны родимой нищету
И въ лоскутахъ ея лохмотій
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протопталъ,
И тамъ, на кладбищѣ ночуя,
Подолгу пѣсни распѣвалъ.

И самъ не понялъ, не измѣрилъ,
Кому я пѣсни посвятилъ,
Въ какого Бога страстно вѣрилъ,
Какую дѣвушку любилъ.

Живую душу укачала,
Русь, на своихъ просторахъ, ты,
И вотъ, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ—почиваетъ Русь.
Она и въ снахъ необычайна.
Ея одежды не коснусь.

ЕВГЕНІЮ ИВАНОВУ.

Вотъ Онъ—Христосъ—въ цѣпяхъ и розахъ—
За рѣшоткой моей тюрьмы.
Вотъ Агнецъ Кроткій въ бѣлыхъ ризахъ
Пришелъ и смотритъ въ окно тюрьмы.

Въ простомъ окладѣ синяго неба
Его икона смотритъ въ окно.
Убогій художникъ создалъ небо,
Но Ликъ и синее небо—одно.

Единый, Свѣтлый, немного грустный—
За Нимъ восходитъ хлѣбный злакъ,
На пригоркѣ лежитъ огородъ капустный,
И березки и елки бѣгутъ въ оврагъ.

И все такъ близко и такъ далеко,
Что, стоя рядомъ, достичь нельзя,
И не постигнешь синяго Ока,
Пока не станешь самъ, какъ стезя.

Пока такой же нищій не будешь,
Не ляжешь, истоптанъ, въ глухой оврагъ,
Обо всемъ не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, какъ мертвый злакъ.

Вотъ онъ, вѣтеръ
Звенящій тоскою острожной,

Распростершійся призракъ
Ветлы придорожной,

Надъ безкрайною топью
Огонь невозможный.

Вотъ, что ты мнѣ сулила:
Могила.

Полюби эту вѣчность болотъ,
Никогда не изсякнетъ ихъ мощь.
Этотъ злакъ, что сгорѣлъ,—не умретъ.
Этотъ кустъ—безъ истлѣнія—тощъ.

Эти ржавые кочки и пни
Знаютъ твой отдыхающій плѣнъ.
Неизмѣнно предвѣчны они,—
Ты предъ Вѣчностью полонъ измѣнъ.

Одинокая участь свѣтла.
Безначальная доля свята.
Это Вѣчность Сама снизошла
И навѣки замкнула уста.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или—каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званый,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю...
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю...

Много насъ—свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя...
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

Не мани меня ты, воля,
Не зови въ поля!
Пировать намъ вмѣстѣ что ли,
Матушка-земля?
Кудри вѣтромъ растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Бѣлая рука...
Я крестомъ касался персти,
Цѣловалъ твой прахъ.
Намъ не жить съ тобою вмѣстѣ
Въ радостныхъ поляхъ!
Лишь на мигъ въ воздушномъ мірѣ
Оглянусь, взгляну,
Какъ земля въ зеленомъ пирѣ
Празднуетъ весну,—
И пойду путемъ-дорогой,
Тягостнымъ путемъ—
Жить съ моей душой убогой
Нищимъ бѣднякомъ...

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ.

Мы встрѣтились съ тобою въ храмѣ
И жили въ радостномъ саду,
Но вотъ зловонными дворами
Пошли къ проклятью и труду.

Мы миновали всѣ ворота
И въ каждомъ видѣли окнѣ,
Какъ тяжело лежитъ работа
На каждой согнутой спинѣ.

И вотъ вошли туда, гдѣ будемъ
Мы жить подъ низкимъ потолкомъ,
Гдѣ прокляли другъ друга люди,
Убитые своимъ трудомъ.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла межъ спящихъ на полу;
Но самый сонъ ихъ былъ проклятье
Вонъ тамъ—въ заплеванномъ углу.

Ты обернулась, заглянула
Довѣрчиво въ мои глаза...
И на щекѣ моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нѣтъ! Счастье—праздная забота,
Вѣдь молодость давно прошла.
Намъ скоротаетъ вѣкъ работа,
Мнѣ—молотокъ, тебѣ—игла.

Сиди, да шей, смотри въ окошко.
Людей повсюду гонитъ трудъ,
А тѣ, кому труднѣй немножко,
Тѣ пѣсни длинныя поютъ.

Я близъ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мнѣ,
Что я увидѣлъ дно стакана,
Топя отчаянье въ винѣ.

ВЪ ОКТЯБРѢ.

Открылъ окно. Какая хмурая
    Столица въ октябрѣ!
Забитая лошадка бурая
    Гуляетъ на дворѣ.

Снѣжинка легкою пушинкою
    Порхаетъ по вѣтру,
И елка слабенькой вершинкою
    Мотаетъ на юру.

Жилось легко, жилось и молодо,—
    Прошла моя пора.
Вонъ—мальчикъ, посинѣвъ отъ холода,
    Дрожитъ среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
    И будетъ, какъ всегда:
Лошадкѣ и мальчишкѣ малому
    Не сладки холода.

Да и меня безъ всякихъ поводовъ
    Загнали на чердакъ.
Никто моихъ не слушалъ доводовъ,
    И вышелъ мой табакъ.

А все хочу свободной волею
Свободнаго житья,
Хоть нѣтъ звѣзды счастливой болѣе
Съ тѣхъ поръ, какъ запилъ я.

Давно звѣзда въ стаканъ мой канула,—
Ужели навсегда?
И вотъ душа опять воспрянула:
Со мной моя звѣзда!

Вотъ, вотъ—въ глазахъ плыветъ, манящая,
Качается въ окнѣ...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будутъ мнѣ!

И даже все свое имущество
Съ собою захвачу!
Позналъ, позналъ свое могущество!..
Вотъ вскрикнулъ... и лечу!

Лечу, лечу, къ мальчишкѣ малому
Средь вихря и огня...
Все, все по-старому, бывалому,
Да только—безъ меня!

РОССІЯ.

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнутъ спицы росписныя
Въ расхлябанныя колеи.

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,—
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты.

Ну, что жъ? Одной заботой болѣ—
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты все та же—лѣсъ, да поле,
Да платъ узорный до бровей.

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ-подъ платка,
Когда звенитъ тоской острожной
Глухая пѣсня ямщика.

ОСЕННІЙ ДЕНЬ.

Идемъ по жнивью, не спѣша,
Съ тобою, другъ мой скромный,
И изливается душа,
Какъ въ сельской церкви темной.

Осенній день высокъ и тихъ,
Лишь слышно—воронъ глухо
Зоветъ товарищей своихъ,
Да кашляетъ старуха.

Овинъ разстелетъ низкій дымъ,
И долго подъ овиномъ
Мы взоромъ пристальнымъ слѣдимъ
За летомъ журавлинымъ.

Летятъ, летятъ косымъ угломъ,
Вожакъ звенитъ и плачетъ...
О чемъ звенитъ, о чемъ, о чемъ?
Что плачъ осенній значитъ?

И низкихъ, нищихъ деревень
Не счесть, не смѣрить окомъ,
И свѣтитъ въ потемнѣвшій день
Костеръ въ лугу далекомъ.

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О бѣдная моя жена,
О чемъ ты горько плачешь?

Задебренныя лѣсомъ кручи:
Когда то тамъ, на высотѣ,
Рубили дѣды срубъ горючій
И пѣли о своемъ Христѣ.

Теперь пастушій кнутъ не свиснетъ,
И пѣсни не споетъ свирѣль.
Лишь мохъ сырой съ обрыва виснетъ,
Какъ вѣдьмы сбитая кудель.

Навѣки непробудной тѣнью
Рѣсницы мховъ опушены,
Спятъ, убаюканные лѣнью
Людской врагини—тишины.

И человѣкъ печальной цапли
Съ болотной кочки не спугнетъ,
Но въ каждой тихой, ржавой каплѣ—
Зачало рѣкъ, озеръ, болотъ.

МОЕЙ МАТЕРИ.

Вѣтеръ стихъ, и слава заревая
Облекла вонъ тѣ пруды.
Вонъ и схимникъ. Книгу закрывая,
Онъ смиренно ждетъ звѣзды.

Но бѣжитъ шоссейная дорога,
Убѣгаетъ вбокъ...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песокъ!

Славой золотѣетъ заревою
Монастырскій крестъ издалека.
Не свернуть ли къ вѣчному покою?
Да и что за жизнь безъ клобука?..

И опять влечетъ неудержимо
Вдаль изъ тихихъ мѣстъ
Путь шоссейный, пробѣгая мимо,
Мимо инока, прудовъ и звѣздъ...

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы—дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи—
Забыть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья-ль въ васъ, надежды-ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ „дней свободы"—
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье,—
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое!

Праздникъ радостный, праздникъ великій,
Да звѣзда изъ за тучъ не видна...
Ты стоишь подъ метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снѣгами, лѣсами, степями
Твоего мнѣ не видно лица.
Только ль страшный просторъ предъ очами,
Непонятная ширь безъ конца?

Утопая въ глубокомъ сугробѣ,
Я на утлыя санки сажусь.
Не въ богатомъ покоишься гробѣ
Ты, убогая финская Русь!

Тамъ прикинешься ты богомольной,
Тамъ старушкой прикинешься ты,
Гласъ молитвенный, звонъ колокольный,
За крестами—кресты, да кресты...

Только ладанъ твой синій и росный
Просквозитъ мнѣ порою инымъ...
Нѣтъ, не старческій ликъ и не постный
Подъ московскимъ платочкомъ цвѣтнымъ!

Сквозь земные поклоны, да свѣчи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи—
Шопотливыя, тихія рѣчи,
Запылавшія щеки твои...

Дальше, дальше... И вѣтеръ рванулся,
Черноземнымъ летя пустыремъ,
Кустъ дорожный по вѣтру метнулся,
Словно дьяконъ взмахнулъ ораремъ...

А ужъ тамъ, за рѣкой полноводной,
Гдѣ пригнулись къ землѣ ковыли,
Тянетъ гарью горючей, свободной,
Слышны гуды въ далекой дали...

Иль опять это—станъ половецкій
И татарская буйная крѣпь?
Не пожаромъ ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нѣтъ, не видно тамъ княжьяго стяга,
Не шеломами черпаютъ Донъ,
И прекрасная внучка варяга
Не клянетъ половецкій полонъ...

Нѣтъ, не вьются тамъ по вѣтру чубы,
Не пестрѣютъ въ степяхъ бунчуки...
Тамъ чернѣютъ фабричныя трубы,
Тамъ заводскіе стонутъ гудки...

Путь степной—безъ конца, безъ исхода,
Степь, да вѣтеръ, да вѣтеръ,—и вдругъ
Многоярусный корпусъ завода,
Города изъ рабочихъ лачугъ...

На пустынномъ просторѣ, на дикомъ
Ты все та, что была, и не та,
Новымъ ты обернулась мнѣ ликомъ,
И другая волнуетъ мечта...

Черный уголь—подземный мессія,
Черный уголь—здѣсь царь и женихъ,
Но не страшенъ, невѣста, Россія,
Голосъ каменныхъ пѣсенъ твоихъ!

Уголь стонетъ, и соль забѣлѣлась,
И желѣзная стонетъ руда...
То надъ степью пустой загорѣлась
Мнѣ Америки новой звѣзда!

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И, съ головой, отъ хмеля трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.

Три раза преклониться долу,
Семь—осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.

Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подрядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.

А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого нибудь,
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.

И подъ лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счетъ,
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,

И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ...—
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ.

Петроградское небо мутилось дождемъ,
На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца — взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ
Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали „Варяга“ одни,
А другіе—не въ ладъ—„Ермака“,
И кричали *ура,* и шутили они,
Ротъ смѣялся, крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
Раскачнувшись, фонарь замигалъ,
И подъ черною тучей веселый горнистъ
Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой запѣлъ тотъ рожокъ,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
Заглушило *ура* безъ конца.

Ужъ послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслось къ намъ *ура*,
Въ грозномъ кликѣ звучало: *Пора!*

Нѣтъ, намъ не было грустно, намъ не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это—ясная, твердая, вѣрная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость—ее заглушаетъ пожаръ,
Громъ орудій и топотъ коней.
Грусть—ее застилаетъ отравленный паръ
Съ Галиційскихъ кровавыхъ полей.

ПОСЛѢДНЕЕ НАПУТСТВІЕ.

Боль проходитъ понемногу,
Не на вѣкъ она дана.
Есть конецъ мятежнымъ стонамъ.
Злую муку и тревогу
Побѣждаетъ тишина.

Ты смежилъ больныя вѣжды,
Ты не ждешь—она вошла.
Вотъ она—съ хрустальнымъ звономъ
Преисполнила надежды,
Свѣтлымъ кругомъ обвела.

Слышишь ты сквозь боль мученій,
Точно другъ твой, старый другъ,
Тронулъ сердце нѣжной скрипкой?
Точно легкихъ сновидѣній
Быстрый рой домчался вдругъ?

Это—легкій образъ рая,
Это—милая твоя.
Лягъ на смертный одръ съ улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Кругъ постылый бытія.

Протянуться безъ желаній,
Улыбнуться навсегда,
Чтобъ въ послѣдній разъ проплыли
Мимо, сонно, какъ въ туманѣ,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Надъ послѣднимъ миромъ ложа
И въ иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато—
Мимо, мимо, навсегда...
Человѣческая тупость—
Все, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять—коварство, слава,
Злато, лесть, всему вѣнецъ—
Человѣческая глупость,
Безысходна, величава,
Безконечна... Что-жъ, конецъ?

Нѣтъ... еще лѣса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русскіе туманы,
Наши шелесты въ овсѣ...

А когда пройдетъ все мимо,
Чѣмъ тревожила земля,
Та, кого любилъ ты много,
Поведетъ рукой любимой
Въ Елисейскія поля.

Я не предалъ бѣлое знамя,
Оглушенный крикомъ враговъ,
Ты прошла ночными путями,
Мы съ тобой—одни у валовъ.

Да, ночные пути, роковые,
Развели насъ и вновь свели,
И опять мы къ тебѣ, Россія
Добрели изъ чужой земли.

Крестъ и насыпь могилы братской
Вотъ гдѣ ты теперь тишина!
Лишь щемящей пѣсни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи—все пусто и нѣмо,
Въ смертномъ снѣ—враги и друзья,
И горитъ звѣзда Виѳлеема
Такъ свѣтло, какъ Любовь моя.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Стихи о Прекрасной Дамѣ. Москва, 1905. ***Распродано.***

Нечаянная Радость. Москва, 1907. ***Распродано.***

Снѣжная Маска. Птрг., 1907. ***Распродано.***

Земля въ снѣгу. Москва, 1908.

Лирическія драмы. Птрг., 1908. ***Распродано.***

Ночные Часы. Москва, 1911. ***Распродано.***

Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ. Москва, 1911—12:

Стихи о Прекрасной Дамѣ, изданіе второе.
Нечаянная Радость, изданіе второе.
Снѣжная Ночь.
} ***Распродано.***

Сказки (стихи для дѣтей). Москва, 1912.

Круглый годъ (стихи для дѣтей). Москва, 1912.

Приготовляются къ печати:

Стихотворенія, первая книга (1898—1906).

Стихотворенія, вторая книга (1904—1912).

Театръ („Балаганчикъ“, „Король на площади“, „Незнакомка“, „Роза и Крестъ“. Примѣчанія къ драмѣ „Роза и Крестъ“.

Сѣдое Утро, сборникъ новыхъ стихотвореній.

Собраніе статей.

ЦѢНА 40 КОП.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

